

КРЫМСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

Ник сидел на стуле, укутанный белой простыней, как в настоящей парикмахерской. Я делал ему модельную стрижку под названием: «Чингачгук Большой Змей». Стрижкой волос я занимался впервые в жизни, но уже имел четырех учеников: Серегу Володько и Васю Семукова из нашей группы радиоактивщиков и гидрогеологинь Светку и Лариску, которых на курсе называли Пенки.

Для смеху, я соврал ребятам, что целый год работал парикмахером, сначала мужским, а потом женским, и щедро делился с учениками секретами сложного искусства цирюльника.

– Первое, что должен твердо усвоить ученик, – поучал я, бесстрашно орудуя ножницами, – это любовь и уважение к учителю. Без этого никакого проку в учении быть не может. В течение курса из семи лекций мы с вами подробно разберем эту тему, а для девушек будут организованы индивидуальные практические занятия.

Нечаянно я чуть-чуть задел ножницами оттопыренное ухо Ника. На мочке появились пара капель. Ник дернулся и раскричался так, будто его пырнули ножом.

– Не похож ты на дамского мастера, – ухмыльнулась Светка.

– Много ты понимаешь, вот сейчас достригу Ника и возьмусь за тебя.

– Да, такая я дура у тебя стричься, – засмеялась Светка, – чтобы меня потом за тифозную принимали?

– Если хочешь знать, – я сделал вид, что обиделся, – мои клиентки визжали от восторга, когда видели себя в зеркале.

– Представляю! – ухмыльнулась Светка. – Я бы тоже визжала. Пошли Лариса, он сейчас зарежет Ника, а я не выношу кровавых сцен.

Пенки отчалили, не дождавшись своей очереди. Я упрекнул Ника в том, что он специально дернулся и сунулся под ножницы, чтобы подорвать мой авторитет и распугать всех учеников. Ник огульно обвинил меня в бездарности и, сорвав простыню, клялся небу, что никогда не будет у меня стричься. Выглядел Ник действительно очень эффектно. Если бы его сфотографировать и отослать снимок на конкурс парикмахеров: «Мастер – золотые руки» то я, наверняка, получил бы приз: «За оригинальность жанра».

– В парикмахерском искусстве тоже должен присутствовать авангард, а то ходят все одинаково ровно подстриженные, словно бобики, – заключил я.

– Эту прическу можно назвать «Лесоповал», – усмехнулся Серега.

Ник потребовал дать ему зеркало и надел очки.

– Мужайся! – предупредил я.

Увидев себя, Ник тонко и жалобно заскулил. Стало ясно – наступил критический момент в нашей дружбе. И все из-за какой-то ерунды.

– Ладно, – сдался я, – давай закончу твою убогую прическу. Черт с ним, с авангардом, в конце концов, я собираюсь стать геологом, а не парикмахером.

Ник так на меня посмотрел, будто я искалечил ему жизнь.

У Ника были жесткие, как проволока, волосы и росли они пучками в разные стороны. Однажды в парикмахерской я слышал от мастера, подстригавшего маленького мальчика, что две макушки на голове у человека это признак гениальности. Так вот у Ника было три макушки, за что я его еще больше заужавал. Но стричь было одно мучение.

– Откуда у тебя такие волосы? Они жесткие, как проволока, тут нужны ножницы по металлу. А уши такие большие зачем? Чтобы лучше слышать? От них у тебя одни неудобства: зимой мерзнут; торчат в разные стороны и мешают бегать; фотографии портят. Хочешь, отрежу? Предупреждаю, что лучше это сделать сразу и аккуратно, чем ждать, когда я случайно отхвачу кусок, если ты в очередной раз дернешься. Мне значительно удобней будет стричь, – терпеливо объяснял я, – а уши только мешаются и сами лезут под ножницы. Крови что ли боишься? Да какая там кровь, смехота одна, так несколько капель набежит... от силы литр.

Ник терпеливо слушал мой треп, мрачно разглядывая себя в зеркале.

Получилось, между прочим, очень даже неплохо. Только пока там ровняешь, здесь уберешь и вышло слегка коротковато, как будто недавно из тюрьмы.

– Как все-таки прическа украшает человека, – польстил я Нику, не обращая внимания на его неодобрительный взгляд, – ты и раньше был парень хоть куда, а сейчас просто красавец.

Как заправский парикмахер я отряхнул Ника и предложил:

– Вас побрить?

– Спасибо, не надо, – Ник встал со стула и радостно вздохнул полной грудью как смертник, в последнюю минуту узнавший о помиловании, – как только надоест жить, сразу обращусь к тебе, – сострил он.

Следующим на стул бесстрашно сел Вася.

– «Безумству храбрых поём мы песню», – напутствовал его Ник.

Закрутив вокруг Васиной шеи простыню, я пощелкал ножницами в воздухе, демонстрируя высокий класс парикмахера.

Прическа у Васи удалась, прямо Ален Делон. Вот что значит практика. Даже Пенки, увидев Васю, достойно оценили мое мастерство.

Тут подошел Женя Говоров и взялся подстричь меня. Я, по дурости, согласился. Как он меня оболванил... не передать. Ник по сравнению со мной выглядел как Тарзан.

Женя никогда не унижался до подражания парикмахерам, а имел свой метод. Расческой он не пользовался, а запускал в волосы клиента растопыренную пятерню, сжимал пальцы и отрезал все, что торчало над ними. Работал он аккуратно и в принципе мог повредить ножницами только собственную руку, а не голову клиента.

– Голова летом должна дышать, – убеждал нас Женя.

До темноты я стриг на поляне ребят, а потом все перешли в нашу палатку. Последним был Саня Давыдов, которого я сначала остриг под ноль, а затем опасной бритвой побрил голову.

Устав от парикмахерской работы, я вышел из палатки и в полной темноте направился в туалет. Своим туалетом мы гордились, так как сами принимали участие в строительстве. Это было величественное здание из кирпича и бетона, стоявшее на горе за палатками. Внутри была перегородка, разделявшая его на две половины. В мужском отделении было три посадочных места. Под туалетом была глубокая яма, заполненная водой, так что если бросить в одно очко тяжелый камень, то из всех шести дырок вверх вылетали фонтаны холодных грязных брызг аж до потолка. Врагу своему не пожелал бы оказаться в этот момент над дыркой.

Поднимаясь к туалету по узкой тропинке, я заметил, как за мной из палатки выскользнули две тени. По сдавленному хихиканью я определил, что это Абраша и Женя Говоров решили напугать меня в туалете. Зайдя внутрь, я спрятался за перегородкой. Темнота стояла кромешная, и только

вход был освещен лунным светом. В кустах слышался шепот моих приятелей, решавших, как меня лучше напугать.

«Наверное, сделают это на выходе, – догадался я, – только я не выйду, и кто-нибудь из них обязательно зайдет посмотреть, что же со мной случилось. Тут я вас и напугаю».

Время шло, но никто не входил. Вдруг в проеме дверей показалась освещенная со спины фигура человека, осторожно, крадучись, продвигавшегося вперед. Я не успел разобрать, кто лезет первый – Женька или Абраша – и приготовился. Когда фигура поравнялась со мной, я выскочил и с воинственным криком схватил человека за горло. Вопль ужаса, гулко раздавшийся под бетонными сводами, показался мне слишком натуральным. Ни Абраша, ни Женька так не испугались бы. Я почувствовал, как обмякло в моих руках неизвестное тело. Подтащив бесчувственного человека к выходу, я увидел в лунном свете, что это совсем не мой приятель, а геофизик К., которого я только что стриг.

Я крикнул ребят. Они вынырнули из темноты и уставились на бесчувственного геофизика у меня на руках. Конечно, они специально пропустили его вперед.

– Угробил человека! – Женя сочувственно похлопал меня по плечу.

– Сбегай и принеси из аптечки нашатырь, – попросил я.

Мы с Абрашей оттащили геофизика в сторону и положили на травку. Прибежал Женя с нашатырем. Мы дали парню понюхать пузырек, и когда он очнулся, бесшумно, как летучие мыши, исчезли в ночи.